

Вдохновлено реальными событиями.

В то же время авторы строго предупреждают: всякое сходство или совпадение описанных в романе событий с реальными происшествиями, а его персонажей с ныне живущими или жившими людьми является целиком и полностью непреднамеренным и случайным.

Вика

По-настоящему эта история началась, когда Радий толкнул дверь квартиры и мы увидели на полу в луже крови тело Талгата... Или, может быть, несколькими днями раньше, когда я сошла с поезда на перроне станции Тюратам и увидела прекрасное лицо Дениса?.. Или, скорее, еще раньше, когда я (шел еще стылый февраль) приехала в Москву и мне за полночь вдруг позвонил сводный братец Сенька...

Февраль. Наши дни. Москва

Вот уж не думала, что в возрасте 20+ у меня появится отец.

И бабуля с дедулей. И — сводный братик ровно моего возраста.

Папаня, Юрий Владиславович Иноземцев, правда, пребывал от меня крайне далеко. Он, как оказалось, профессор, славист, преподает русский-литературу в универе в своей Калифорнийщине. Хотя мы по видеосвязи регулярно с ним толкуем — и даже с женой его новой, на-

туральной американкой. И с детками его, моими единокровными братьями-сестрами, которые, как и мачеха, по-русски ни бум-бум, приходится мне с ними свой инглиш тренировать.

Зато все прочие родственники — в относительной доступности. Особенно по масштабам нашей страны. Я сама в Поволжье, в городе М. проживаю. Они — в столице, в Белокаменной нашей. Но всего-то ночь на поезде — и вот она, Москва златоглавая.

И так вышло, что я со своими новообретенными родаками даже, типа, подружилась. Наверное, сказалось, что я теперь по жизни одна как перст. Мама умерла, бабушку мою Жанну убили давным-давно. Любимой прабабки не стало лет двадцать тому. И человек, которого я считала своим отцом и который обо мне заботился, Виктор Шербинский — за ними в страну теней последовал. А вдобавок ко всему во время моей отсидки в СИЗО мой женишок Ярослав подло меня предал.

Поневоле при таком раскладе будешь искать, к кому прислониться.

Но когда с москвичами общаешься, ведь главное, я давно поняла, — ничего не просить. Быть им ровней. А у меня собственная гордость имеется. И богатство — квартира в Москве. Подарок прежнего моего отца, Шербинского, международного-переводчика-собкора. Да, именно прежнего отца — который, как впоследствии оказалось,

и не отец мне вовсе. Но об этом позже. И это еще, кстати, следовало уточнить-проверить.

Так вот, квартирка моя столичная, хоть однокомнатная, зато в понтовом месте. У метро «Рижская», прямо на проспекте Мира, в сталинском доме. Правда, очень неприятные ассоциации она у меня стала в последнее время вызывать¹. Поэтому я ее сдавать наладилась. Но сдача — дело такое. Постоянного пригляда требует. Не все риелтору поручишь. Вот и сейчас: нашла мне моя Янина вроде нормальных жильцов — в Останкино работают, на телевидении, типа. Да только там началось: пьянки, гулянки, крики, ор, мат. Соседи замучились участкового вызывать. Пришлось телевизионщикам от постояя отказываться. А с новыми претендентами, я сказала, сама буду кастинг устраивать. Вот и пришлось через риелторшу собеседования-просмотры на субботу назначать, а самой из М. в Первопрестольную ехать, чтобы выбрать среди многочисленных кандидатов в арендаторы подходящих.

Но нет худа без добра: заодно повидеюсь со всеми родными. Не просто приеду в златогла-

¹ Подробно об этом, а также семейную историю Иноземцевых — Рыжовых — Спесивцевых можно прочесть в тетралогии Анны и Сергея Литвиновых «Высокие страсти». Роман первый — «Исповедь черного человека», второй — «Сердце Бога», третий — «Бойтесь данайцев, дары приносящих» и четвертый — «Здесь вам не Сакраменто».

вую, как бедная провинциальная родственница, типа, к бабушке-деду погостить. Прибуду к себе домой и вроде как по делам. А заодно с новоявленными родственниками встретиться.

У меня особенно с дедом Владиславом Иноземцевым отношения сложились. Я его «дед Влад» называю и на «ты». Может, мы так душевно близки стали оттого, что он, как и я, неприкаянный. Жена его вторая лет семь как умерла. Первая супруга, Галина (и моя, типа, бабка по крови), которая когда-то первой советской космонавткой стать готовилась, давно его бросила, имеет второго мужа-старичка и на деда внимания не обращает. Живет дед Влад один-одинешенек в квартире где-то в районе Ленинского проспекта. Сам ведет хозяйство, варит куриный бульон на неделю. В квартире — идеальный порядок, ни пылинки, ни соринки. Поддерживает себя. Приезжают к нему только несколько дипломников и диссертантов из Бауманки — он их школит. Внук его родной Арсений (мой полубрат) особенно его визитами не балует. Сын его единственный (и мой отец), как я уже говорила, далеко, в своей Калифорнийщине.

Зато как я приезжаю, дед Влад аж сияет. Начинается чай, тортики. Истории про Королева, Гагарина, первых космонавтов — он их всех знал, и близко. Рассказы про то, как он на Байконур на первые запуски ездил.

А уж если они вдруг со вторым старым хрычом сталкиваются — другом юности (и по совмести-

тельству вторым дедом Арсения), Рыжовым Ра-
дием Ефремовичем, — там вообще тарарам на-
чинается. Да еще если эти два старикана слегка
подопьют! Шутки, веселье, подколки, рассказы
бесконечные. Энергии и магнетизма у них по-
больше, чем у иных двадцатилетних.

И у другого старца, «дяди Радия» (как я его
иногда называю), отношение ко мне тоже осо-
бое. Его крови хоть во мне и нет ни капельки,
зато (он не раз это мне говорил, да я и сама на
фото видела) очень я похожа на свою собствен-
ную бабушку Жанну. Ту, которую Радий безза-
ветно любил и которую (как он считает) предал.
И винится. И она была убита в самом молодом
и нежном возрасте, еще в 1959 году. А я за ее ги-
бель спустя много лет отомстила, но сама потом
за то поплатилась¹.

В общем, не успела я в пятницу поздно вече-
ром, после самолета из М., аэроэкспресса и ме-
тро, в мою столичную квартиру ввалиться — да
что там вечером, ночь была на дворе! — звонок.
Кто там? Мой странный полубрат, единокров-
ный Арсений.

— Прибыла?

Я не стала его выпрашивать, откуда знает.
Подумаешь, бином Ньютона! У меня на телефо-
не геопозиция выставлена, и для соцсетей она

¹ Об этом — в начальных томах тетралогии Литви-
новых «Высокие страсти».

доступна. Значит, все видели, кому интересно: я путешествую, прибыла в златоглавую. Усмехнулась:

— Следишь за мной, большой брат?

— Ага, слежу, мелкая ты моя сестренка.

— Чего звонишь?

— Надо повстречаться, обсудить кое-что.

— Что вдруг?

— Дело есть.

— А по телефону или мессенджеру нельзя?

— Лучше глаза в глаза.

— Я завтра, в субботу, весь день занята. — Не буду я ему, естественно, говорить, чем занимаюсь, но у меня последний претендент на квартиру, Янина сказала, на восемь вечера записан. — А послезавтра, в воскресенье с утра, к деду Владу в гости иду. И вечером — назад, домой в М. лечу. Плотный график, извини.

— Давай тогда завтра вечером. Или ночью.

— Ты-то, понятное дело, сова. А мне за что страдать?

— Да ладно, ты что, пивасика не хочешь с любимым братиком дернуть?

— Только я никуда не поеду. Тем более к тебе в твое Братцево.

— Не Братцево, а Братеево, периферийный ты человек.

— Это все равно. Приезжай на Рижскую, в моем доме есть какое-то заведение.

— Принято!

В доме, где у меня квартира, действительно имелось кафе, и вечно (окно мое во двор) воняло мне запахами кухни. И все время вывески менялись — не выдерживали конкуренции или аренды столичной сумасшедшей. Сперва было что-то японское, потом аглицкий паб, теперь нечто с понтом итальянское.

Ладно, все равно надо мне где-то завтра ужинать, не готовить же самой (и жевать потом в одиночестве на кухне). А тут хоть с Сенькой поболтаем. Он у меня забавный.

Как вообще получилось, что он стал моим полубратом?

Мамочка моя Валентина, несчастная, любимая, высокоталантливая, широко шагающая, полжизни проработала в Москве журналисткой. (Остальные полжизни перебивалась и растила меня в М.) Как раз лучшие ее годы выпали на самый излет и угар советчины — семидесятые, восьмидесятые. А известно, что тогда в среде творческой интеллигенции творилось. Сплошной промискуитет. Никаких сдерживающих центров. Ни религии, ни веры — ничего. И парткомов уже не боялись. Все трахались со всеми.

А мамочка моя была — ох, штука хоть куда. Красивая, задорная, веселая, раскрепощенная. Ее многие, могу себе представить, да, очень многие добивались. Но она (как дура — самокритично говорила она сама про себя) влюбилась без памяти и на всю жизнь в Шербинского.

Человека, которого я всегда, до последнего времени, почитала своим отцом. Лет на двадцать ее старше, лохотный, холотный. Пара языков в бэкграунде, собкорский пункт в Париже. Но, беда, был Шербинский женат. И от супруги уходить не хотел. Боялся — карьера пострадает, да там и жена болела, и дочери росли. Короче, морочил матери моей голову.

Но на мамочку мою, конечно, и другие самцы слетались, как мухи на мед. И ухаживали, и рассыпались перед ней, расстилались, ниц падали. А Шербинского и рядом-то часто не бывало. То он за мир во Франции борется, то с Острова Свободы очерки шлет, то в пылающем Лаосе корреспонденции пишет. И в то время Юрий Иноземцев, сын деда Влада и бабки Гали, тоже журналюга тогда, молодой, красивый как бог, румяный, талантливый, в нее влюбился. Добивался изо всех сил. Обещал все бросить, из семьи уйти.

А у него у самого тоже жена была. Звали Мария. И она, эта Мария — дочка того самого дяди Радия, который моего деда Влада — первый и закадычный друг.

И вот Юрий Владиславович Иноземцев заделал ребеночка своей законной супруге Марии — и получился мой полубрат Арсений. И в то же самое время штурмовал-атаковал мою бедную мать. И она ему уступила, в результате чего через девять месяцев на свет появилась я.

Мать моя Валентина, конечно, и в Юру этого тоже отчасти влюблена была. Но пробежала меж ними черная кошка, состоялся огромный скандал — и разрыв. А раз уж они разбежались, и продолжения отношений не предвиделось, мамашка моя справедливо посчитала: пусть детка в ее животе (то бишь я) будет считаться дочерью Шербинского. В самом деле, у того ведь и вес, и положение, и богатство. И мамочка моя никому-никому и никогда не говорила, что в реальности я — Иноземцева. Все всегда, и Шербинский, и я, считали, что я — его порождение. И Викой я названа, можно сказать, из эпатажа, чтобы жене законной нос утереть — в его, Виктора Шербинского, честь.

Шербинский так и ушел к праотцам с глубоким убеждением, что я его порождение, да и мне мамочка моя бедная до самой смерти ничего не говорила. И лишь потом, постфактум, как начались у меня нелегкие деньки, адвокат мне мой открыл глаза. И отец мой, оказавшийся родным, Юрий Владиславович Иноземцев, надо отдать ему должное, не отрекся от меня, в трудные времена помог.

Вот так и получилось, что у меня с братиком единокровным всего пара месяцев разница в возрасте.

Активным он был, любвеобильным — нынешний американский профессор Иноземцев!

Пиво в заведении «Макароны по-флотски» в моем московском доме, конечно, оказалось ху-